

ЖАЛКАЯ ПОДДЕЛКА

О так называемых «мемуарах» Д. Д. Шостаковича

Мы публикуем письмо композиторов, в разные годы бывших не только учениками Д. Д. Шостаковича, но и близкими ему людьми. Все они — видные деятели советской музыки, произведения которых хорошо знакомы советским и зарубежным слушателям. В. Е. Баснер — заслуженный деятель искусств РСФСР, М. С. Вайнберг — заслуженный деятель искусств РСФСР, К. А. Караев — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда, академик Академии наук Азербайджанской ССР, Ю. А. Левитин — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, Б. И. Тищенко — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР, К. С. Хачатурян — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЛГ»

С болью и возмущением познакомились мы с книгой, выпущенной в Нью-Йорке издательством «Харпер и Роу» под видом «мемуаров» Д. Д. Шостаковича.

К светлосте и чистоте образу великого нашего современника, гениального композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича прикоснулись грязные руки некоего С. Волкова.

Нам, ученикам Д. Д. Шостаковича, и людям, близко знавшим его, постоянно общавшимся с ним, ясно, что эта книга не имеет ничего общего с действительными воспоминаниями Д. Д. Шостаковича. Многое, очень многое сочинено истинным автором этой книги — С. Волковым.

Но даже с подлинными высказываниями Дмитрия Дмитриевича, зачастую известными и не раз публиковавшимися, проделана операция, искажающая, фальсифицирующая смысл его слов.

Зная удивительную тактичность, вежливость Дмитрия Дмитриевича, нельзя себе даже представить, чтобы он был автором всех грубостей и уничижающих характеристик больших композиторов, музыкантов, писателей — советских и зарубежных, которыми пестрит книга. Во всех этих небывших выписывающих фигура действительного автора «мемуаров» — дышащего злобой отщепенца, задавшегося целью низвести образ великого композитора до своего собственного жалкого уровня.

Мы помним, каким Дмитрий Дмитриевич был неизменно скромным, сдержанным во всем, что касалось его творчества. Диву даешься определенным и многословным описаниям в книжке «содержания» его музыки, исходящим якобы от самого композитора.

В книжке много говорится о критике в адрес Д. Д. Шостаковича.

Действительно, статьи «Сумбур вместо музыки», где резко и несправедливо осуждалась одна из лучших опер XX века «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»), и «Балетная фальшь», а в особенности критика 1948 года, обвинявшая Д. Д. Шостаковича и других композиторов в формализме, принесли много горьких переживаний Дмитрию Дмитриевичу. Однако мы знаем, что этот хрупкий, легко ранимый человек обладал железной стойкостью. Он мужественно переносил необоснованные обвинения и музыкой своей вновь и вновь утверждал свою правоту и величие.

А главное — известно, что постановление ЦК КПСС, принятое в 1958 году, снимало обвинения в формализме ряда композиторов, как необоснованные и несправедливые.

Мы не собираемся останавливаться на всех искажениях мыслей Д. Д. Шостаковича в так называемых «мемуарах», на всех передержках и нагромождениях лжи, однако сделать это более чем легко, ибо людям, знавшим нашего учителя, со всей очевидностью бросается в глаза чудовищная попытка составителя нарисовать образ некоего «другого» Шостаковича. Ложь здесь нанизывается на ложь. Необычайная отзывчивость, душевная щедрость во всем, благожелательность, которые постоянно ощущали не только мы, ученики Д. Д. Шостаковича,

но и масса других музыкантов, деятелей культуры, советских и зарубежных, подменяются в писаниях Волкова нагромождением клеветнических измышлений об озлобленности, постоянной мелкой раздражительности, и это будто бы определяло чуть ли не весь строй мыслей и чувств композитора, с острой неприязнью якобы относившегося ко всем и ко всему, что окружало его в нашем обществе.

Эта злобная трансформация понадобилась в конечном счете для того, чтобы попытаться отделить Шостаковича от советской музыки, а советскую музыку — от Шостаковича. Цинизм тем более мерзкий, что вся жизнь, все творчество Дмитрия Дмитриевича от первых его сочинений до последних связанных с революционной историей и современностью нашей страны. С необыкновенной заинтересованностью Дмитрий Дмитриевич всем своим творчеством и общественной деятельностью оказывал неоценимую помощь молодым поколениям русских советских композиторов, национальным музыкальным школам страны, десяткам и сотням их талантливых предшественников.

Своим примером Д. Д. Шостакович учил добру, честности, порядочности в отношениях с людьми, непримиримости к двурушничеству и фальши. Его заветы священные не только для нас, прямых его учеников, но и для всех, кто знал Дмитрия Дми-

триевича, кто испытал на себе обаяние его огромной, бесконечно благородной личности.

Чудовищно, что отвратительная попытка перечеркнуть все это приписывается путем подлога самому композитору.

Мы знаем, что семья покойного Дмитрия Дмитриевича, прослышав о готовящемся издании книги, не раз обращалась в издательство с просьбой выслать ей экземпляры рукописи для ознакомления. Однако семье в этом было отказано американским издательством, видимо, понимавшим, что ознакомление привело бы к быстрому разоблачению фальшивки.

Жаль, что эту позорную страпню подхватывают за рубежом некоторые издательства и журналы, в бесплодном стремлении очернить нашу страну, советскую культуру и одного из лучших ее предшественников — Д. Д. Шостаковича.

Но никакая ложь, сотворенная грязными руками дельцов и проходивцев, не в силах исказить благородный образ гениального композитора, горячего патриота своей Родины. Придать его творчеству, всей его жизни «другой» облик — попытка безнадёжная. Музыка Д. Д. Шостаковича сама опровергает любые домыслы фальсификаторов.

В. БАСНЕР, М. ВАЙНБЕРГ, К. КАРАЕВ, Ю. ЛЕВИТИН, Б. ТИЩЕНКО, К. ХАЧАТУРЯН

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, что же все-таки представляет собою издание, озаглавленное:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕМУАРЫ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА».

И далее — уже мельче: «Как они были рассказаны Соломону Волкову и им отредактированные».

Значит, «рассказанные» «мемуары». Да еще «отредактированные», и не «рассказчиком», а «слушателем». Запомним.

Книга начинается предисловием самого Волкова, из которого явствует, что этот перебежчик, несколько лет тому назад сменивший Советскую Родину на Соединенные Штаты Америки, будучи еще шестнадцатилетним подростком, до того полюбился Дмитрию Шостаковичу, которому было в то время пятьдесят четыре года, что стал своего рода «духовником», «поверенным всех тайн» и биографом знаменитого композитора.

Если принять за веру сногосшибательный миф о «духовном родстве» Шостаковича с претенциозным недоучкой, подвизавшимся на ниве музыковедения, то выходит, что следует поверить также и в то, в чем якобы «исповедался» великий музыкант присовокупившему к нему клопу. По крайней мере, на это, по-видимому, рассчитывают и сам Волков, и опубликовавшее «мемуары» американское издательство «Харпер и Роу».

О чем же поведал клопу Шостакович, от имени которого Волков издал «мемуары», с первой же страницы скромно забравшись в кусты, то бишь в щель, и ведя все дальнейшее повествование так, как будто оно от первого до последнего слова было написано самим композитором?

Во-первых, о том, что он (Шостакович) всегда был чужим в советском обществе. Терпеть его не мог и то, следовательно, все свои годы прожил двойной жизнью: писал музыку для людей, которых презирал, стократно заявляя о своей преданности народу и социальному строю, который ненавидел, и что даже свою знаменитую Седьмую симфонию он вовсе не рассматривал как обвинительный акт фашизму.

Если верить Волкову, то скромный, сдержанный, доброжелательный к людям Шостакович, каким его знали современники, был мизантропом и завистником, поносили своих коллег с нескрываемой злобой. Человек, созданный ничтожным воображением обывателя-перебежчика, позволял себе чернить Сергея Прокофьева и Рейнгольда Глиэра, Владимира Маяковского и Евгения Мравинского, чьей дружбой и сотрудничеством Шостакович дорожил и о том говорил не раз. С тем же ожесточением высказываются волковский «Шостакович» о Станиславском, Ромене Роллане, Бернарде Шоу, Лионе Фейхтвангере.

Но, может быть, хватит даже для образа озлобленного мизантропа, каким клеветнически рисует Шостаковича Волков?..

Дмитрий Шостакович таким никогда не был.

Да, его творческая судьба складывалась временами нелегко.

Шостакович пролагал новые пути в музыке, в чем-то опережал свое время. Его творчество не всеми понималось и принималось. Скажем, когда в 1936 году появилась резкая и грубая статья о его опере «Леди Макбет Мценского уезда», то это могло повергнуть в состояние уныния не только Шостаковича, хотя его и больше других. Можно допустить, что

КЛОП

несправедливо обиженный композитор и высказывал по этому поводу самые резкие слова.

Но представить себе, что человек, ненавидящий свое общество и хулящий лучших мастеров его культуры, мог с благодарностью, о чем он не раз говорил, от души принимать дань признания от этого общества (и этих мастеров!), вступить в ряды Коммунистической партии, отдавать свое время депутатским и другим общественным обязанностям (и отдавать по общему свидетельству, беззаветно), — представить себе такое честным людям невозможно.

Да и не надо представлять, потому что Волков рисует Шостаковича по своему образу и подобию — как антисоветчика и двурушника. Такая «концепция» обнаруживает себя с первых же страниц, наполняя лежальным ядом всю книжку. И характерно, что в самой Америке выход «мемуаров» сопровождался не только уже привычным пропагандистским бумом, но на сей раз и дозой основательных сомнений.

«...Действительно ли это слова Шостаковича?» — задает резонный вопрос Г. Шонберг, музыкальный рецензент «Нью-Йорк таймс». «Этот вопрос», — пишет он, — возникает в связи с тем, что мы на Западе автоматически испытываем подозрительность в отношении загадочных советских рукописей, которые приходится принимать на веру».

«В предисловии и введении к этой книге, — продолжает Г. Шонберг, — г-н Волков подробно останавливается на происхождении и истории мемуаров Шостаковича. Мы должны принять его слова на веру, а это не удовлетворит большинство музыковедов и историков и раздражает толпу, которая требует доказательств».

Вслед за ним сознается и Би-би-си: «Нельзя сказать, чтобы все здесь брали на веру заявление Волкова о том, что он просто записал и отредактировал воспоминания Шостаковича. Так что в данный момент

мне сложно сказать, сколько в выходящих в свет воспоминаниях самого Шостаковича и сколько в них Волкова».

Казалось бы, дело ясное. Книжечка вышла в свет, но веры ей немного, она вызывает неудовлетворение и раздражение. Что ж, спишите прямые и пропагандистские убытки, господа, и забудем об этой дурно пахнущей истории.

Не тут-то было! Жажда антисоветского скандала правдоподобно доводит рассудка. И вот к идеологической диверсии подключаются радио, журналы, некоторые издательства.

Круто меняют тон по праву сомневавшиеся.

«...Тем не менее (!) нет особых оснований, — успокаивает себя Шонберг, — не дове-

рять версии г-на Волкова... В самой книге нет ничего противоречащего тому, что мы знаем, читали или что нам говорили о Шостаковиче».

Вот как! «Ничего противоречащего»...

А читали ли вы, господа, следующее высказывание Д. Д. Шостаковича накануне Второго съезда советских композиторов в 1957 году: «У нас есть ценнейший коллективный опыт всей советской многонациональной композиторской среды — опыт многолетней борьбы за музыкальное искусство больших помыслов, больших этических идей, большой правды, за искусство, развивающееся под знаменем социалистического реализма. Этот опыт приобретает исключительное значение не только для нашей музыки, но и для музыкантов всего мира».

Так вот, если верить Волкову, то, произнесая эти слова и вернувшись домой, великий мастер начинал хулить этот опыт и поносить одного за другим своих коллег.

Читали ли вы, господа, статью Д. Д. Шостаковича в «Литературной газете» 21 декабря 1965 года, в которой он писал: «Для композитора необходима поддержка слушателя. Без этого немислимо работать, сочинять. Запомнились дни, festивала в Горьком. Мне была оказана большая честь — почти пятьдесят моих произведений исполнялись во время festивала. В Горьком постоянно проводятся фестивали, проходят авторские концерты и музыкальные премьеры. А ведь это город, каких много...». Допустить, что композитор после этого свисаю третирует советских слушателей, — значит допустить самое издевательское, дикое предположение о великом художнике, работавшем для своего народа, для его социалистической культуры.

Читали ли вы, господа, последнюю статью, почти духовное завещание Д. Д. Шостаковича «Музыка и время» напечатанную в журнале «Коммунист» в мае 1975 года? Шостакович вспоминал: «...Были четыре года войны, четыре года смертельной схватки с фашизмом. Вспоминая их сего-

дня, я вновь и вновь поражаюсь тому, какой насыщенной, интенсивной, несмотря на тяготы и лишения военного времени, была духовная жизнь нашего общества. Высочайшая нравственность и гуманизм лежали в ее основе. Именно эти качества определяли сущность дела каждого советского человека на фронте и в тылу. Не только ратным подвигом, героическим трудом, но и великой духовностью победил врага наш народ. Поистине смертную смерть поправ, защитил он свою социалистическую Родину, отстоял исторический путь, начатый под руководством Ленина». Так как же? Произнес эти слова, а часом позже стал «исповедоваться» Волкову, понося всех и вся?

В чем же тут дело? Кому выгоды образ, сниженный злобным обывателем до своего уровня? Секрет раскрывается же «Нью-Йорк таймс». «...Огромный талант Шостаковича был разрушен системой, в условиях которой он работал», — пишет газета. Вот, все дело в системе социализма.

Ахете, господа! Огромный талант состоялся — в достижениях, признанных во всем мире.

При жизни Дмитрий Дмитриевич был избран почетным членом шведской Королевской музыкальной академии, Итальянской академии искусств «Санта-Чечилия», Сербской академии наук и искусств, почетным доктором наук Северо-Западного университета Эванстона (США), Французской академии изящных искусств, членом Английской королевской музыкальной академии, Национальной академии наук (США) и т. д. Это признание композитор всегда принимал как представитель советской культуры. Так, при вручении ему Международной премии Мира он заявил:

«Высокая награда обязывает меня всегда бороться за мир и дружбу между народами так, чтобы быть всегда достойным той высокой награды, которая мне вручена сегодня, так, чтобы всегда с честью носить высокое звание сына великого советского народа».

Система «разрушала» его талант, говорили вы, господа? Но непредвзятый подход всегда утверждал глубокую связь творчества Шостаковича с этой системой, советским обществом, народом. Вот что писали, например, о Д. Шостаковиче известные деятели французской культуры.

Композитор Андре Жоливе: «...Он творит — а это сулит огромные преимущества — в огромной, очень музыкальной стране, и поэтому его творчество стало ее символом».

Писатель Жан-Ришар Блок: «Да, материк Шостаковича совсем особенный — это страна для гигантов. Малейший шаг в ней измеряется верстами, обычные масштабы смещены, изменены, преобразованы соответственно какому-то новому мерилу. Поистине, музыка для шестой части нашей планеты. Это земля богатейшей, будь то ученые, инженеры, солдаты, художники».

Так говорили мастера культуры Запада. Выходит, что Шостакович воспринимал сказанное ими (в том числе и Бернардом Шоу и Роменом Ролланом) как должное и справедливое, а потом... Потом уверял Волкова, что все эти люди — лгуны.

Советская система, советское общество, отбросив все несправедливое в оценках творчества композитора, дарило художника самым высоким признанием и любовью. Его великие создания вошли в духовную сокровищницу нашего народа. Его новаторские поиски, противостоящие бездуховности западного «авангардизма», обогатили музыкальное искусство современного мира, открыли новые горизонты развития могучей реалистической традиции. Исполнение музыки Шостаковича, по достоинству ставшее классикой социалистической культуры, повсюду встречало и встречает восторженный прием слушателей. Великий симфонист испытал самое ценное и важное для художника — горячее признание творческого дела всей своей жизни, благодарные люди за созданное им искусство большой революционной мысли, глубокой человечности. Шостакович был удостоен звания Героя Социалистического Труда, народного артиста Союза ССР, ему присуждены Ленинская и Государственные премии. Много лет работал он на посту секретаря Союза композиторов СССР, возглавлял Союз композиторов Российской Федерации, был членом Советского комитета защиты мира, депутатом четырех созывов Верховного Совета СССР. Каждый знак этого всенародного признания композитор принимал с чувством искренней благодарности и высокой ответственности, обещал «и впредь не пожелать сил, чтобы оправдать доверие народа» (из речи перед избирателями), и соблюдал свое слово свято. На общественных посты его с радостью выдвигали, и он с радостью принимал эту честь и обязанность.

И этого цельного художника, коммуниста, гражданина Волков пытается изобразить в качестве этакого «мелкого беса», вроде соловьевского гимназического учителя Передонова, для которого, как известно, высшим наслаждением было, возвратившись домой, предаваться гнусной оргии, оплевывая всех и вся? Что это, как не тщетная попытка не только осквернить память великого композитора, но и оклеветать народ, чья культура взрастила его, народ, для которого он творил!

Издатели утверждают, что обнаружили на «сочиненном» Волковым пометки, сделанные Шостаковичем: «Читали». Но человеку, искавшему целую жизнь композитора, не трудно сделать что-либо подобное и с его «визами». Грязные отпечатки пальцев Волкова — вот что можно было легко обнаружить на страничках рукописи Волкова! И они, эти отпечатки, уж наверняка подлинные.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ДОСЬЕ

В опубликованном на этой странице письме учеников Д. Д. Шостаковича говорится, что семья композитора обращалась к американским издателям с настоятельными просьбами предоставить ей текст рукописи для ознакомления.

Приводим официальные документы.

29 ноября 1978 года юридическая служба Всесоюзного агентства по авторским правам сообщила в Нью-Йорк издательству «Харпер и Роу», что И. А. Шостакович — вдова композитора — поручила ВААП в обеспечение ее законных прав запросить текст рукописи, так как издатель-

ство по поводу публикации рукописи и ней не обращало и характер рукописи ей неизвестен».

13 декабря того же года и вице-президенту «Харпер и Роу» Роберту Э. Бенчу — раздатчик вдова дочь и сын композитора: «Еще раз настоятельно подтверждаем вам необходимость срочного получения от вас сведений о книге... Мы выражаем надежду в том, что, предпринимая это издание, вы сознаете свою ответственность в вопросах, связанных с охраной имени и авторских прав Дмитрия Шостаковича».

В телетайпограмме от 2 февраля 1979 года Эдуард А.

Миллер, вице-президент и генеральный советник издательства «Харпер и Роу» (иссылая на свой ответ от 6 декабря 1978 года, которого ВААП не получило), заявляет: «...наследник Шостаковича не имеют никаких прав на это произведение и их согласие на издание не требуется» (!!).

Естественно, что подобная грубая отписка не удовлетворяет советскую сторону. 21 февраля 1979 года ВААП сообщает издателям, что из их ответа непонятно, готовят ли «Харпер и Роу» и печатать некие «мемуары» Шостаковича или речь идет о книге другого автора о нем. «Если имеется намерение указать Дмит-

рия Шостаковича как автора готовящейся книги, то претензии наследников... остаются в силе».

1 июля с. г. семья композитора снова протестует против издания каких-либо произведений Шостаковича без ее предварительного письменного согласия. «Нам неизвестно, чтобы Д. Шостакович давал кому-либо согласие на какие-либо посмертные публикации своих материалов». Копия письма была направлена в ВААП. В связи с этим заместитель председателя правления ВААП Ю. Рудakov пишет 5 июля вице-президенту «Харпер и Роу» Э. Миллеру: «Авторское право на высказывания автора, являю-

щийся, как известно, одним из объектов авторского права, переходящий после смерти автора к наследникам автора... Без согласия наследников Д. Шостаковича издательство не вправе выпустить данное произведение в свет».

Ответа на это не последовало.

Очевидно, американские издатели и сами не верят в подлинность так называемых «мемуаров», иначе они воздержались бы от самовольной их публикации хотя бы из правовых соображений. И следовательно, ими руководили иные соображения, далекие от уважения и памяти великого композитора.